

ОТ УНИВЕРСАЛЬНОГО К УНИКАЛЬНОМУ: ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ

Т. В. Куц

ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКАЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОСТЬ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АБРИС*

Создание «коллективного портрета» отдельной социальной группы позволяет понять механизмы функционирования социума, характер взаимодействия общественных групп, принципы социальной стратификации и способы корпоративной саморегуляции. Исследования, проводимые в таком русле, расширяют наши представления об обществе, помогая определить тренды социального развития и значение статусных категорий в жизни людей определенной эпохи. Обращаясь к историографическому аспекту изучения социальной истории Византии, следует отметить степень изученности данной проблематики и наличие ряда работ, которые исследуют социальные структуры византийского общества¹.

Проследим характер изучения интеллектуальной среды поздневизантийского времени в историографическом срезе, чтобы показать динамику исследований этой социальной страты и выявить проблемные поля, которые требуют дальнейшего осмысления. Но прежде чем перейти к истории изучения этого вопроса, поясним выбор темпорального промежутка, который мы ограничили поздневизантийским периодом. С одной стороны, XIV—XV вв.

---

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 08-01-00238а.

долгое время находились на периферии исследовательских штудий, уступая место более «выигрышному» средневизантийскому времени. Лишь недавно палеологовский период византийской истории стал объектом повышенного исследовательского интереса, и эта тенденция все более нарастает, принеся уже значительные историографические «дивиденды». С другой стороны, поздневизантийское время дает богатый фактический материал для реконструкции той социальной группы, которую образовывали носители византийской интеллектуальной культуры². Дело в том, что в жизни поздней Византии происходил небывалый всплеск интеллектуальной работы, который обычно определяют как «Палеологовский Ренессанс». Данный феномен особенно оттеняет глубокий экономический и политический кризис, который подвел империю к финальной развязке в 1453 г. В этой связи вполне объяснимо обращение исследователей к изучению поздневизантийской интеллектуальной среды в условиях кризиса и упадка империи, поскольку представители этой среды в силу своего политического веса и социального статуса влияли на многие сферы общественной жизни.

Изучением византийских интеллектуалов византинисты долгое время пренебрегали, обвиняя греческую интеллигенцию в сервизме и подбострастии перед властью, уличая ее в рабской зависимости от античных образцов и подражательстве в литературном творчестве. На панорамной картине византийской социальной истории интеллектуалам было отведено периферийное положение, поскольку фокус исторических исследований был наведен на другие общественные группы, которые считались вершителями судеб империи. Императоры и чиновники, землевладельцы и крестьяне казались главными действующими лицами эпохи и ключевыми фигурами византийской реальности.

Впервые интеллектуальная среда как социокультурное явление была препарирована в докладе И. Шевченко на XIV Международном конгрессе византинистов в 1971 г.³ Надо заметить, что сам Конгресс стал вехой в византиноведении, поскольку впервые центральной темой научного форума были заявлены исследования по истории XIV в., благодаря чему внимание исследователей было привлечено к этому малоизученному периоду византийской исто-

рии. Американский ученый И. Шевченко, выступая с пленарным докладом, дал собирательный портрет поздневизантийской образованной элиты, обратившись к анализу базовых характеристик, которые описывали эту немногочисленную, но влиятельную социальную группу. По сути, И. Шевченко не только актуализировал проблему исследования этого социального феномена, но и наметил основные направления и подходы к изучению византийской ученой среды. Однако исследователь не ставил перед собой задачи дать более полную демографическую, этническую, социальную характеристики, ограничиваясь в основном статистическими изысканиями и обобщающими замечаниями относительно «стиля жизни» византийских писателей. Кроме того, его наблюдения распространялись преимущественно на XIV в. Но именно эта работа стала этапной в развитии исследовательских штудий, обозначив проблему изучения византийской интеллектуальности XIV—XV вв. и разрушив традиционный предвзятый взгляд на византийскую интеллигенцию.

После выхода в свет книги И. Шевченко «Общество и интеллектуальная жизнь в поздней Византии»⁴, составленной по принципу *variorum reprints* и включавшей в том числе бухарестский доклад, появилась блестящая рецензия А. П. Каждана⁵, которая скорректировала отдельные выводы и развила некоторые положения, касающиеся характеристики интеллектуальной элиты поздневизантийского общества. А. П. Каждан уточнил и расширил список тех, кого следует отнести к группе интеллектуалов, ввел некоторые новые параметры в изучение писательской среды XIV—XV вв. Эти две работы явились для многих исследователей мощным стимулом к изучению интеллектуальной ситуации в поздней Византии.

В отечественной историографии тема интеллектуальной жизни Палеологовского времени была поднята в 1976 г. И. П. Медведевым, автором книги «Византийский гуманизм XIV—XV вв.»⁶. Он воссоздал «литературный быт» эпохи, проанализировав такие формы духовного общения, как театр и эпистолярные связи, а также исследовал деятельность выдающегося поздневизантийского гуманиста Георгия Гемиста Плифона и его интеллектуального

кружка. Стиль общения византийских интеллектуалов, не являясь целью специального изучения, был обозначен ученым контурно, на отдельных примерах, одновременно открывая перспективу исследования этого вопроса на более широком источниковом материале.

Большое значение для реконструкции мира поздневизантийских интеллектуалов имели работы 70—90-х гг. XX в., которые были связаны с изучением отдельных персоналий, частных проблем и более узких сюжетов, непосредственно сопряженных с историей византийской интеллектуальности. В специальной литературе рассматривались проблемы византийской традиции воспитания и обучения (Ф. Тиннефельд⁷, П. Шпек⁸, Р. Браунинг⁹), отношения интеллектуалов к западной науке (Ф. Тиннефельд¹⁰), гуманистические тенденции в интеллектуальной жизни (Г. Хунгер¹¹), представления о дружбе в образованных кругах (Ф. Тиннефельд¹²), формы интеллектуального общения (И. П. Медведев¹³, К.-П. Мачке¹⁴), взаимоотношения интеллектуалов и власти (М. А. Поляковская¹⁵) и другие вопросы, которые являлись штрихами к собирательному образу византийского ученого сообщества. Трудami историков создавалась целая галерея портретов деятелей культуры поздневизантийского времени¹⁶. В исследованиях отечественных и зарубежных византиноведов, посвященных конкретным фигурам ученого мира, акцент делался не только на характеристику их литературного наследия, но и на воссоздание духовно-эмоциональной атмосферы эпохи через призму оценки взглядов и воззрений византийских интеллектуалов (Х.-Г. Бек¹⁷, Ф. Тиннефельд¹⁸, М. А. Поляковская¹⁹).

Особое внимание исследователей, обращавшихся к изучению XV в., традиционно приковывала судьба византийских писателей накануне и после гибели империи. Вызванная трагическими событиями эмиграция стимулировала сближение двух культурных традиций. Тема взаимодействия византийского и итальянского гуманизма стала главной в серии работ Д. И. Джеанакоплоса²⁰, в трудах Г. М. Хартмана²¹, П. О. Кристеллера²², И. Монфасани²³, Н. Г. Вилсона²⁴. Проблема «исхода» византийских интеллектуалов была обозначена и в исследованиях И. П. Медведева, но переме-

шение культурных центров на периферию рассматривалось им преимущественно на примере Георгия Гемиста Плифона²⁵. Феномен трансплантации культуры как на окраины византийского мира, так и в Италию являлся характерной чертой бытования интеллектуальной среды позднего периода.

В последние несколько лет в мировой науке заметно оживилась разработка проблем византийской истории XIV—XV вв. в целом и интеллектуальной истории этого времени в частности. Об активизации интереса к этой эпохе свидетельствует тематика ряда прошедших конференций и научных мероприятий. В 2000 г. в рамках коллоквиума «Византия, Венеция и франко-греческий мир (XIII—XV вв.)», прошедшего в Венеции, была поднята тема культурных и научных контактов Запада и Византии²⁶. В 2001 г. в Вашингтоне состоялся симпозиум по истории поздневизантийской Фессалоники, где особенно четко была показана интеллектуальная линия в судьбе второго по значению города в империи²⁷. На международных конгрессах византинистов в Париже (2001) и Лондоне (2006) позднему периоду истории Византии также было уделено значительное внимание²⁸. В ряде докладов, которые были представлены на этих форумах, прозвучала тема интеллектуальной жизни в различных аспектах и интерпретациях (Дж. Баркер²⁹, Дж. Деннис³⁰, Ф. Тиннефельд³¹, Т. В. Куц³²). Растущий интерес к поздневизантийским реалиям определен отчасти публикациями сочинений писателей этого периода, осуществленных в последние десятилетия на Западе (А. Ангелу³³, Н. Николудис³⁴, Х. Патринелис³⁵, Ф. Тиннефельд³⁶, Ю. Хрисостомидес³⁷). Издание новых источников и появление комментированных переводов открыли перед специалистами широкие перспективы в изучении мира интеллектуалов последнего периода византийской истории.

Среди недавних фундаментальных работ, исследующих феномен византийской интеллектуальности, следует назвать книгу К.-П. Мачке и Ф. Тиннефельда «Общество в поздней Византии: группы, структуры и формы жизни»³⁸, которая вышла в свет в 2001 г. В опубликованной немецкими учеными монографии особое место занял раздел, посвященный группе литераторов (*die Literaten*). Авторы предприняли попытку дать определение поня-

тию «литератор», опираясь прежде всего на данные источников. Выделяя центры духовной активности в Византии, отмечая открытость писательской среды к латинскому Западу, исследователи подтвердили многие наблюдения И. Шевченко, касающиеся причин упадка культурной монополии Константинополя. Особое внимание авторами книги было уделено вопросу социальной принадлежности византийских ученых, их социально-политической функции в обществе. Следуя примеру И. Шевченко, немецкие исследователи привели просопографический список литераторов, уточнив и расширив круг византийских ученых. Однако, на наш взгляд, данное исследование не поставило точку в проблеме изучения интеллектуальной среды, а наоборот, показало перспективность дальнейшей разработки этой темы.

Многие современные ученые все активнее обращаются к изучению духовной жизни поздневизантийского общества. Но традиционно в центре внимания ученых оказывается переломный для империи XIV в., который был полон идейных исканий, религиозных разногласий и политических катаклизмов. На фоне большого количества работ, посвященных изучению интеллектуальной жизни XIV в., отчетливо проступает недостаточная изученность интеллектуальной ситуации следующего столетия. Конец XIV — первая половина XV в. стали для Византии временем тяжелых испытаний, когда государство приближалось к своей финальной трагедии, подведшей черту тысячелетнему существованию цивилизации. И именно изучение последнего столетия существования Византии дает возможность увидеть динамику тех изменений, которые затронули интеллектуальную среду в условиях кризиса и гибели империи.

В целом отечественные и зарубежные византилисты, не ощущая острой изолированности ученых друг от друга, работают в едином проблемном русле и оперируют близкими методологическими приемами, постепенно расширяя тематический и временной диапазон. Благодаря этому нельзя разделять историографические опыты изучения византийской интеллигенции по национальным школам и направлениям. Этому единому течению византиноведческих исследований принадлежат и работы некоторых историков

уральской школы византиноведения, в которых тема интеллектуальной жизни поздней Византии стала одной из ведущих.

Результатами усилий исследователей по изучению истории интеллектуальной жизни Византии в XIV—XV вв. стала реконструкция поздневизантийской интеллектуальной среды, позволившая не только создать собирательный образ этой влиятельной прослойки византийского общества, но и определить роль и место этой группы в социальной, политической и культурной жизни империи.

---

¹ *Каждан А. П.* Социальный состав господствующего класса XI—XII вв. в Византии. М., 1971; *Ostrogorsky G.* Observations on the Aristocracy in Byzantium // *Dumbarton Oaks Papers.* 1971. Vol. 25. P. 3—32; *Laiou A.* The Byzantine Aristocracy in the Palaeologan Period: a Story of Arrested Development // *Viator.* 1973. Vol. 4. P. 131—151; *Idem.* The Greek Merchant of the Palaeologan Period: a Collective Portrait // *Proceedings of the Academy of Athens.* Athens, 1982. P. 96—124.

² Появление просопографического лексикона Палеологовского времени (*Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit.* Wien, 1976—1994. F. 1—12) активизировало изучение византийской интеллектуальной среды, позволив провести демографические и статистические изыскания.

³ *Ševčenko I.* Society and Intellectual Life in the XIVth Century // *XIV Congrès International des Etudes Byzantines.* Bucarest, 1971. P. 7—30.

⁴ *Ševčenko I.* Society and Intellectual Life in Late Byzantium. L., 1981.

⁵ *Kazhdan A.* The Fate of the Intellectual in Byzantium: A Propos of Society and Intellectual Life in Late Byzantium by I. Ševčenko (London: Variorum Reprints, 1981) // *Greek Orthodox Theological Review.* 1982. Vol. 27, N 1. P. 83—97.

⁶ *Медведев И. П.* Византийский гуманизм XIV—XV вв. Л., 1976 ; 2-е изд., с изм. и доп. СПб., 1997. Гл. 1 : Интеллектуальная жизнь Византии XIV—XV вв.

⁷ *Tinnefeld F.* Von Tradition und Wandel humanistischer Erziehung in Byzanz // *Gymnasium.* 1989. Bd. 96. H. 5. S. 429—443.

⁸ *Speck P.* Die kaiserlich Universität von Konstantinople. München, 1972.

⁹ *Browning R.* Byzantine Scholarship // *Browning R.* Studies on Byzantine History, Literature and Education. L., 1977. P. 3—20.

¹⁰ *Tinnefeld F.* Das Niveau der Abendländischen Wissenschaft aus der Sicht gebildeter Byzantiner im 13. und 14. Jahrhundert // *Byzantinische Forschungen.* 1979. Bd. 6. S. 241—280.

¹¹ *Hunger H.* Klassizistische Tendenzen in der byzantinischen Literatur des 14. Jahrhunderts // *XIV Congrès International des Etudes Byzantines.* Bucarest, 1971. S. 83—95.

¹² *Tinnefeld F.* Freundschaft und παιδεία: die Korrespondenz des Demetrios Kydones mit Rhadenos // *Byzantion.* 1985. T. 55. Fasc. 1. S. 210—244.

¹³ *Медведев И. П.* Литературные «салоны» в поздней Византии // Литература и искусство в системе культуры. М., 1988. С. 53—59.

¹⁴ *Matschke K.-P.* Die spätbyzantinische Öffentlichkeit / Mentalität und Gesellschaft im Mittelalter. Beitrag zur Mentalitätsgeschichte. Gedenken für E. Werner / ed. S. Tanz. Frankfurt a/M, 1993. Bd. 2. S. 155—223.

¹⁵ *Чекалова А. А., Поляковская М. А.* Интеллектуалы и власть в Византии // Византийские очерки : тр. российских ученых к XIX Междунар. конгр. византистов. М., 1996. С. 5—24.

¹⁶ См., например: *Поляковская М. А.* Портреты византийских интеллектуалов. Екатеринбург, 1992 ; 2-е изд. СПб., 1998.

¹⁷ *Beck H.-G.* Das literarische Schaffen der Byzantiner. Wege zu seinem Verständnis // Verlag der Österreichischen Akademie der Wissenschaft. Philosophische-historische Klasse. Sitzungsberichte. Wien, 1974. Bd. 294. Abh. 4. S. 5—16.

¹⁸ *Tinnefeld F.* Georgios Philosophos. Ein Korrespondent und Freund des Demetrios Kydones // *Orientalia Christiana Periodica.* 1972. Bd. 38. H. 1. S. 141—171.

¹⁹ *Поляковская М. А.* К характеристике средневекового ученого (значение научной дискуссии в понимании Димитрия Кидониса) // *Античная древность и средние века.* 1983. Вып. 20. С. 40—51; *Ее же.* К характеристике византийской образованности: учителя и ученики // Там же. 1987. Вып. 23. С. 111—120.

²⁰ *Geanakoplos D. J.* Interaction of the «Sibling» Byzantine and Western Cultures in the Middle Ages and Italian Renaissance (330—1600). New-Haven ; L., 1976; *Idem.* Constantinople and the West. Essays on the Late Byzantine (Palaeologan) and Italian Renaissance and the Byzantine and Roman Churches. Wisconsin, 1989.

²¹ *Hartmann G. M.* Die Bedeutung des Griechentums für die Entwicklung des italienischen Humanismus // *Probleme der neugriechischen Literatur.* Berlin, 1960. Bd. 2. S. 3—36.

²² *Kristeller P. O.* Humanismus und Renaissance. Die antiken und mittelalterlichen Quellen. München, 1973. Bd. 1.

²³ *Monfasani J.* Byzantine Scholars in Renaissance Italy: Cardinal Bessarion and other Émigrés. Variorum Reprints. L., 1995.

²⁴ *Wilson N. G.* From Byzantium to Italy. Greek Studies in the Italian Renaissance. Baltimore, 1992.

²⁵ *Медведев И. П.* Византийский гуманизм XIV—XV вв. С. 55.

²⁶ *Bisanzio, Venezia e il mondo franco-greco (XIII—XV secolo): Atti del Colloquio Internazionale organizzato nel centenario della nascita di R.-J. Loenertz, Venezia, 1—2 dicembre 2000.* Venezia, 2002.

²⁷ Материалы симпозиума см.: *Dumbarton Oaks Papers.* 2003. Vol. 57.

²⁸ XXe Congrès international des études byzantines. P., 2001. Vol. 1—3; *Proceedings of the 21st International Congress of Byzantine Studies.* London, 21—26 August, 2006. L., 2006.

²⁹ *Barker J. W.* Late Byzantine Thessalonike: A Second City's Challenger and Responses // *Dumbarton Oaks Papers.* 2003. Vol. 57. P. 5—33.

³⁰ *Dennis G. T. Demetrios Kydones and Venice // Bisanzio, Venezia e il mondo franco-greco (XIII—XV secolo). P. 495—502.*

³¹ *Tinnefeld F. Intellectuals in Late Byzantine Thessalonike // Dumbarton Oaks Papers. 2003. Vol. 57. P. 153—172.*

³² *Kushch T. V. Die byzantinische Wissenschaft im 15. Jahrhundert in Abschätzungen der Zeitgenossen // XXe Congrès international des études byzantines. Vol. 3. P. 87.*

³³ *Manuel Palaiologos. Dialogue with the Empress-mother on Marriage / ed. by A. Angelou. Vienna, 1991.*

³⁴ *Nicoloudis N. Laonikos Chalkokondyles: a Translation and Commentary of the «Demonstrations of Histories» (Books I—III). Athens, 1996.*

³⁵ *Μανουήλ Χρυσολωρά Λογος πρὸς τὸν αὐτοκράτορα Μανουήλ Β΄ Παλαιολόγο. Εἰσαγωγή καὶ ἔκδοσις Χ. Πατρινέλη καὶ Δ. Ζ. Σοφιανοῦ. Ἀθῆνα, 2001.*

³⁶ *Demetrios Kydones. Briefe / Übers. und erl. von F. Tinnefeld. Stuttgart, 1981—2003. Bd. 1—4.*

³⁷ *Manuel II Palaeologus. Funeral Oration on his Brother Theodore / ed. J. Chrysostomides. Thessalonike, 1985.*

³⁸ *Matschke K.-P., Tinnefeld F. Die Gesellschaft im späten Byzanz. Gruppen, Strukturen und Lebensformen. Köln ; Weimar ; Wien, 2001.*

С. И. Маловичко

СПОР М. В. ЛОМОНОСОВА И Г.-Ф. МИЛЛЕРА КАК КОНФЛИКТ РАЗНЫХ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ КУЛЬТУР

Профессиональных историков уже давно интересует спор между М. В. Ломоносовым и Г.-Ф. Миллером не в смысле «правильности» или «ошибочности» приводимых аргументов, а соответствия оппонентов требованиям дисциплинарного профессионализма. Важно, что такой интерес всегда возвращал историографический конфликт в научную коммуникацию, а не в межэтническую и идеологическую плоскости¹. Историки обращают внимание на отношение спорящих сторон к историческим источникам и замечают, что в основе спора лежали различные источники по древнерусской истории и нет никаких данных в пользу того, что Ломоносов «тщательно изучал источники русской истории, в частности, лето-